

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ДВЕНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

15—17 мая 2008 г. в Праге, в стенах Высшей школы экономики, прошла очередная, двенадцатая, ежегодная конференция Европейского общества истории экономической мысли (ESHET). В конференции приняло участие около 220 исследователей — не только из европейских стран, но и из Австралии, Аргентины, Бразилии, Израиля, Китая, Колумбии, Мексики, США, Японии. На 51-й сессии были представлены 180 докладов. По традиции для каждой конференции ESHET выбирается своя основная тема, и в этом году она была сформулирована так: «Развитие и переходность в истории экономической мысли». Сама по себе эта тема предполагала достаточно разнообразную тематику докладов.

Открыла работу конференции лекция *Я. Корнаи* «Системная парадигма и ее место в истории экономической мысли». В ней венгерский ученый раскрыл свое видение методологии анализа постсоциалистической «переходной» экономики. Его подход явно противостоит попыткам представить происходящие на протяжении последней четверти века процессы как «конец истории», как бесповоротную победу «правильного» образа жизни и мышления над всеми «отклонениями», почему-то возникшими в истории. Опасность такого подхода связана не только с возможным «головокружением от успехов» со стороны тех, кто причисляет себя к победителям. Он чреват также ответной реакцией «побежденных», принимающей в навязанной биполярной системе оценок разнообразные формы реваншизма. Крах модели «реального социализма» в его соревновании с «реальным капитализмом» не дает ответа на вопрос о будущем капитализма.

Я. Корнаи обратил внимание на то, что слом системы социализма и переход к ускоренному строительству капитализма не является уникальным историческим процессом. Становление капитализма и вытеснение им докапиталистических отношений, революционное распространение социализма и соперничество двух противоборствующих систем уже показывали миру масштабные примеры «великих трансформаций». Они приводили к осмыслению происходящих процессов в рамках «системной парадигмы» мышления. Данный подход предполагает анализ экономических явлений и процессов не изолированно, но в рамках социально-экономической системы, понимаемой как динамическая система и рассматриваемой в сравнении с другой (другими) существующими или возможными системами.

Следует подчеркнуть, что «системную парадигму» Я. Корнаи считает наиболее адекватным подходом для изучения постсоциалистического периода, в рамках которого не отрицаются его уникальные, полностью до сих пор не осознанные особенности. Но именно для их понимания и требуется переход к «большой теории» общественных исследований — к целенаправленному пониманию общественных, политических, экономических явлений и процессов в их историческом развертывании и взаимосвязи. Частные формальные модели, характерные для современного экономического анализа, оказываются в этих условиях попросту непригодными.

При этом речь не идет о принципиально новой исследовательской программе. К ученым, работавшим в рамках «системной парадигмы», Я. Корнаи относит К. Маркса, Ф. Хайека, Л. Мизеса, К. Поланьи, Й. Шумпетера, В. Ойкена. (Заметим, что данный перечень, конечно, не является исчерпывающим: венгерский исследователь истории мысли А. Мадараш в своем отклике относил к нему А. Смита, представителей немецкой исторической школы, сам Я. Корнаи указывал также на вклад М. Вебера.) Нетрудно заметить, что под «системной парадигмой» понимается схожая постановка проблем и общность в поиске ответов на них, а не единство в конкретных подходах и частных ответах. Я. Корнаи была поставлена проблема рассмотрения общей методологии анализа в рамках «системной парадигмы» мышления.

Пленарная лекция *Д. М. Нути* на тему «Постсоциалистическое развитие и ресурсы экономической мысли» состоялась в последний день работы конференции. В ней обращалось внимание на «антитеоретический» характер системы «реального социализма». Д. М. Нути пытался проанализировать истоки «волюнтаристского» подхода к экономической политике, коренящиеся, по его мнению, еще в работах Р. Люксембург и Н. И. Бухарина, в дискуссиях 1920-х гг. о генетическом и телеологическом планировании, в общем характере устройства сталинской системы. В результате игнорировались многочисленные модели управления социалистической экономикой в духе теоретических построений Л. Вальраса, В. Парето, Э. Бароне, О. Ланге. С точки зрения Д. М. Нути, эти модели могли бы быть применены и в условиях трансформации экономических систем.

Безусловно, не все положения Д. М. Нути могут показаться бесспорными. В частности, начиная с 1950-х гг. в СССР и других социалистических странах шло активное развитие экономико-математических методов. На их основе делались постоянные попытки «улучшить», «оптимизировать» функционирование социалистического хозяйственного механизма, не приводившие, однако, к реальным улучшениям. Если Д. М. Нути высказал благосклонное отношение к моделям рыночного социализма, то Я. Корнаи указал на несовместимость социалистической системы с принципами, характерными для системы капиталистической. «Системная парадигма» мышления подразумевает, что всякая социально-экономическая система складывается и существует как система «реальная». Поведение людей в рамках данной системы не может быть «улучшено» только за счет применения более совершенных теоретических моделей. С другой стороны, недостатки любой системы методологически неверно относить исключительно к недостаткам и субъективным особенностям политических лидеров (например, к косности и догматизму советского руководства).

Своеобразный диалог между двумя известными экономистами свидетельствует о сохранении интереса к теории и практике «управляемого» перехода от одной социально-экономической системы к другой. Бывшие социалистические страны за короткий исторический отрезок продемонстрировали две попытки такого перехода, и, как нам представляется, значимость этого опыта не вполне осознана в современных отечественных исследованиях.

Работу многочисленных секций можно сгруппировать в несколько блоков. Прежде всего это секции, посвященные отдельным экономистам (Смиту, Сэю, Шумпетеру) и отдельным направлениям экономической мысли (классической политической экономии, неоклассике, неорикардизму, австрийской школе). Доклады на этих секциях не сводились исключительно к «археологическому» исследованию идей прошлого. Актуальность исследований в области истории экономической мысли определяется прежде всего их неразрывной (хотя и не всегда явной) связью с современным экономическим анализом. Обращение

к истории экономической науки исходя из текущего ее положения дает возможность не только воссоздания самой истории, но и более глубокого осмысления сегодняшних проблем науки. В этом ключе австралийский исследователь классической политической экономии *Т. Аспромурго* представил в своем докладе анализ идей А. Смита, относящихся к проблеме экономического роста в свете современных подходов. С одной стороны, он обратил внимание на то, что составляет ключевой элемент современных теорий экономического роста — анализ механизма координации инвестиций и сбережений в децентрализованной экономике. В этом смысле *теория* экономического роста у Смита отсутствует. Однако у него можно найти зачатки основных современных подходов. Идея о тождественности сбережений и расходов ведет к неоклассическим версиям теории роста, основанным на приоритете стороны предложения, а идеи об ограничении разделения труда масштабами рынка, об определяющей роли величины накопления для определения величины предложения труда позволяют проводить связь между кейнсианскими версиями, основанными на приоритете стороны спроса. В этом смысле «двойственность» подхода Смита к этой проблеме подтверждает его роль как родоначальника современной экономической науки: он обозначил не только ее ключевые проблемы, но и основные, противостоящие друг другу, пути их решения.

Значительное внимание на конференциях ESHET уделяется возрождению в XX в. классической политической экономии в рамках неорикардического подхода, заложенного П. Сраффой. В своем докладе *Н. Сальвадори* обратился к анализу математического доказательства возможности существования стандартного товара, предложенного в 37 параграфе монографии П. Сраффы «Производство товаров посредством товаров». Данное доказательство не является полным, так как в изложенном виде оно оставляет возможность для решения, исключающего существование стандартного товара в системе с обозначенными характеристиками. Однако доказательство может быть модифицировано в требуемом направлении. Уже в сентябре 1944 г. кембриджский математик Л. Бесикович, с которым Сраффа консультировался в процессе подготовки своей работы, предложил более детальный и точный алгоритм решения проблемы. Но в процессе окончательной подготовки к изданию во второй половине 1950-х гг. Сраффа предпочел остановиться на более простом изложении алгоритма. Доклад *Н. Сальвадори* проливает свет на отдельные детали создания одной из самых значительных работ в экономической науке XX в. Доклад *Х. Курца* был посвящен процессу подготовки к изданию собрания сочинений П. Сраффы. Не секрет, что одним из основных препятствий к восприятию идеи, изложенных им в «Производстве товаров...», является сжатость их изложения, позволяющая отдельным исследователям говорить даже об «эзотерическом» стиле этой работы. Между тем она является квинтэссенцией более широкого замысла, напряженная работа над воплощением которого продолжалась несколько десятилетий. Ученый, опубликовавший при жизни лишь несколько работ, оставил огромное рукописное наследие, хранящееся теперь в Кембриджском университете. Практически сразу же после его смерти в 1983 г. началась работа по систематизации и подготовке его к публикации. Намеченное на 2009 г. трехтомное издание станет первым большим результатом этой работы. Оно призвано расширить представление о творческой эволюции выдающегося мыслителя и несомненно станет новой важной вехой в развитии идей классической политической экономии.

Б. Шефолд сделал доклад, связанный с подготовкой собрания сочинений еще одного выдающегося мыслителя — М. Вебера. В нем обращалось внимание на то, что традиционно вклад Вебера в экономическую науку рассматривается

исключительно как побочный продукт его исследований в других областях. Однако Вебер читал курсы лекций по экономической теории и был прекрасно знаком с современным ему состоянием экономической науки и ее историей. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся конспект его лекций, сделанный студентами. У Вебера был выработан собственный подход к экономической теории. Он отличался эклектичностью, однако лежал в основе его концепции возникновения капитализма и разработки социологического анализа экономической деятельности.

Другой блок секционных заседаний был связан с анализом отдельных проблем, разрабатываемых в экономической науке (денежная теория, фискальная политика и т. д.). Например, доклад *М. Даль-Пон* и *Х. Хагеманна* был посвящен анализу связи неоклассических теорий делового цикла, вытеснивших с 1970-х гг. теории роста, с дискуссиями о природе экономической динамики в межвоенный период. Важнейшей методологической проблемой, обозначенной в этот период, была разнородность статической и динамической концепций равновесия и экономических колебаний. Именно она явно или неявно определяла характер споров между представителями реальной и денежной теорий цикла. Сопоставление дискуссий межвоенного периода с анализом в рамках неоклассической теории роста приведет к более глубокому пониманию методологических основ теорий экономического роста.

Еще один блок секций был связан с анализом социалистической экономики и пост-социалистической трансформации. Большое внимание в докладах, представленных на этих секциях, было уделено не только особенностям социалистической и пост-социалистической систем, но и роли экономической науки и ее представителей в слове социалистической системы и переходу к строительству капитализма. Три доклада, сделанных на секции «Скрытые экономические дискуссии в социалистических странах», организация которой была предложена *М. Сойкой* (Чехия) и *И. Цвайнертом* (Германия), раскрывали особенности формирования оппозиционных и критических течений в недрах социалистической науки и формы их проявления. *О. И. Ананьин* в своем докладе обратил внимание на отсутствие интеллектуальной истории отечественной экономической науки последней четверти века. Вместе с тем она представляла бы значительный интерес, так как большинство имеющихся публикаций на эту тему носит явно тенденциозный и публицистический характер, а публикации периода перестройки и начала либеральных реформ практически выпали из научного оборота. Из сферы внимания выпадают поэтому институциональные особенности формирования круга будущих реформаторов в недрах официальной науки. При этом вплоть до заключительного периода перестройки формой выражения их взглядов оставались официально санкционированные призывы к улучшению социалистического хозяйственного механизма, а взгляды представителей неолиберальной западной экономической науки практически не имели хождения. Лишь на рубеже 1980—1990-х гг. произошел резкий переход к антисоциалистической риторике и начали выработываться принципы перехода к капитализму. Доклады *А. Мадараша*, *Я. Чеха* и *М. Сойки* были посвящены дифференциации экономической науки в Венгрии и Чехословакии после событий 1956 и 1968 гг. и способам выражения диссидентских позиций в официальных и самиздатских публикациях.

В своем комментарии по докладам профессор *В. С. Автономов* (ГУ—ВШЭ, Москва) подчеркнул многоаспектность трансформаций и необходимость обращения к наследию таких экономистов, как В. Ойкен и Л. Эрхард, с целью более глубокого и точного понимания процесса перехода. Изменения, происходящие в российской экономической мысли, были представлены в докладе *Н. А. Макашевой* (ГУ—ВШЭ, Москва).

Обсуждалась и специфика перехода Китая к рыночной экономике. Теоретические аспекты особого пути Китая были рассмотрены в докладе *Киширо Яги* (университет Киото) с позиций возможности сочетания социализма с рыночной экономикой. Автор доклада исходил из анализа эволюции определения социализма в трудах китайских экономистов: от принятого в СССР определения социализма как экономической системы, регулируемой государственным планированием на основе государственной собственности, которое, конечно же, ни коем образом не сочетается с рыночной экономикой, до определения социализма, данного Дэн Сяопином, в соответствии с которым социализм понимается как общество всеобщего процветания, как социальная система, застрахованная от негативных экономических факторов, что уже не так резко противостоит рыночной экономике. Обсуждение возможности построения «другого» капитализма было продолжено *Сюзанной Рюхле* (Университет Франкфурта-на-Майне). Проявлением специфики Китая выступает значительная роль семейного предпринимательства в форме малого бизнеса. В этом сегменте экономики создается до 30% ВВП Китая. Семья, по мнению докладчика, составляет краеугольный камень экономического развития, то топливо, которое обеспечивает движение локомотива роста. Это традиционный базовый институт, который усиливает действие других институтов. Семья противостоит социальным потрясениям и позволяет создавать маленькие инновационные предприятия, более гибкие к изменениям рынка, с низкими затратами на производство, вместе с тем обладающими значительными ресурсами и опирающимися на широкие сетевые связи. Семейный бизнес составляет важнейшую особенность институциональной структуры Китая. Оппонирующий докладчику профессор *Ма Юнг* (Юханьский университет) предостерег от идеализации семейного бизнеса, указав на такую опасность, как коррупция, усиливаемую семейными связями, зависимостью участников бизнеса. Кроме того, он отметил ограничения в сопоставлении европейской и китайской семьи и использования в этих целях идей М. Вебера, которые прозвучали в докладе С. Рюхель. Ма Юнг подчеркнул, что китайская мысль не так рациональна, как европейская, ее исходные корни включают не рациональность, а способность балансировать. И именно таким путем Китай намерен обеспечивать достижение стратегической цели своего развития — построение социально ориентированной рыночной экономики.

Одним из заключительных мероприятий конференции стал «круглый стол», посвященный влиянию современных методов оценки научных исследований и критериев публикации на историко-экономические исследования. В его работе принимали участие Х. Курц, А. Роселли, Х.-Л. Кардозо, М.-К. Маркуццо, П. Гареньяни.

А. Роселли ознакомила участников с результатами проекта, посвященного изучению современного состояния и тенденций в области историко-экономических исследований в Европе. В частности, была проанализирована степень «концентрации» принятия решений по опубликованию работ в журналах по истории экономической мысли. В качестве основного индикатора было выбрано совмещение одними и теми же людьми членства в нескольких редколлегиях. Результаты исследования дали возможность построить схемы связей между разными журналами и выделить узловые центры принятия решений. Помимо этого были проанализированы и иные показатели, качественно и количественно характеризующие состояние историко-экономических исследований: например, доля публикаций по данной тематике среди публикаций по иным направлениям, виды публикаций, число защищенных диссертаций и т. д.

Результаты свидетельствуют о том, что доля публикаций в данной области, хотя и снизилась существенно с 1970-х гг., остается практически неизменной за

последние годы. Общей тенденцией является снижение доли книг в общем числе публикаций и увеличение доли статей (этому соответствуют и формальные изменения. Так, если еще четверть века назад для защиты диссертации в Италии было необходимо опубликование монографии, то теперь достаточно трех статей). При этом увеличивается число статей на одного исследователя, что достигается в немалой степени за счет сосредоточения на узко специализированной тематике.

Избранный на конференции президент Европейского общества истории экономической мысли *М.-К. Маркуццо* и ее коллега *Х.-Л. Кардозо* посвятили свои доклады влиянию современных критериев оценки научных исследований, прежде всего индекса цитирования, на развитие истории экономической мысли. Основная проблема, на которую обращалось внимание, заключается в том, что исследования в данной области часто выходят за рамки господствующего теоретического подхода, не укладываются в «разделение труда» в современной системе производства экономических знаний. Поэтому формальные критерии оценки по существу воздвигают стену между историей экономической мысли и другими направлениями экономических исследований, затрудняют карьеру молодых исследователей, стремящихся специализироваться в данной области, толкают их на исследования выполняемые в русле магистрального направления. Основным вывод, который делался в обоих выступлениях, заключался в необходимости встраиваться в современный порядок, пытаясь влиять на него: лоббировать интересы дисциплины, участвовать в разработке и применении современных критериев оценки. В частности, *Х.-Л. Кардозо* остановился на опыте разработки индекса цитирования, который учитывал бы публикации не только на английском, но также на португальском и испанском языках.

П. Гареньяни — один из самых ярких продолжателей интеллектуальной программы, заложенной *П. Сраффой*, и хранитель его литературного наследия — также посвятил свой доклад современному состоянию в области оценки и финансирования научных исследований. Он указал на то, что сегодня очевидна тенденция ко все большей формализации и стандартизации системы контроля и оценки, которые проводятся под предлогом увеличения объективности и прозрачности. В действительности эти предлоги оказываются ложными. Так, «объективный» показатель индекса цитируемости подвержен достаточно простому манипулированию и фальсифицированию. Но, что более важно, индекс цитирования не может являться критерием, независимым от приверженности исследователей к господствующему теоретическому подходу.

По мнению *П. Гареньяни*, в основе распространения современных критериев оценки и контроля лежит не только распространенное бюрократическое стремление увеличивать контроль ни за что в действительности не неся ответственности. Причина заключается еще и в современном положении экономической науки. Проблема не только в том, что направления, критические по отношению к господствующему, все более маргинализируются. Маргинализируется сама экономическая наука. В общественном мнении среди представителей иных научных дисциплин все более распространяется мнение об ее оторванности от реальных проблем, предвзятости и ненужности. Профессия, пользовавшаяся некогда огромным авторитетом стремительно теряет свой престиж. Формализация и стандартизация критериев оценок — закономерное следствие стремления господствующего истеблишмента выстроить защитные барьеры, отгородиться от внешнего мира, подавить внутренние очаги сопротивления.

П. Гареньяни обратил внимание на причины сегодняшнего положения. Он связывает их с утверждением примерно с середины 1970-х гг. в качестве господствующего направления экономической науки неоклассического подхода, ко-

торый до этого, примерно с 1930-х гг., занимал оборонительные позиции, будучи фактически изолирован от магистральных направлений экономических исследований. Однако его представителям удалось совершить «контрреволюцию». При этом критика фундаментальных положений неоклассической теории (таких, например, как концепции капитала, равновесия, ценообразования), развивавшаяся на протяжении XX в. и сделавшая видимыми их изъяны, низводится до положения частных и особых случаев теории либо попросту замалчивается. Под видом соблюдения методологической чистоты теоретическое ядро современной экономической теории вводится в мир чистых абстракций, никак не связанных с реальностью. Собственно же исследовательские усилия направляются на разработку малозначительных частных моделей, эклектически захватывающих побочные области. Основным критерием оценки таких исследований является видимость соблюдения «правил игры». Практический вывод, сделанный П. Гареньяни, одновременно и прост, и сложен: тем, кто не разделяет этих правил, необходимо продолжать работу, несмотря ни на что, исходя из того, что основной критерий оценки — само качество научного исследования.

Можно добавить, что вне зависимости от теоретико-методологических принципов отдельных исследователей, важнейшим инструментом оценки качества их работы является восприятие коллегами — представителями научного общества. Ежегодные конференции по истории экономической мысли вносят значительный вклад в развитие этой области исследований.

И. И. Елисева,
член-корр. РАН
Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов

Д. В. Мельник,
канд. экон. наук
Санкт-Петербургский государственный университет